

Любимая серая мышка

Автор:

[Анна Яфор](#)

Любимая серая мышка

Анна Яфор

Он лучший. Красивый, умный, успешный. И не женат! А ещё он – мой шеф и не заводит интрижек на работе. Желающих занять место рядом с ним хоть отбавляй, а в мою сторону он даже не смотрит. И, конечно, не подозревает, как давно и сильно я в него влюблена. Но если он до сих пор один, а мне всё равно нечего терять, не пора ли взять ситуацию в свои руки и всё-таки попытаться завоевать его сердце?!

Анна Яфор

Любимая серая мышка

Пролог

– Мария, вы опоздали, – едва я открываю дверь в кабинет шефа, как слышу его строгий металлический голос. – Я велел вам быть здесь четверть часа назад. Вы хотя бы понимаете, сколько всего можно было сделать за это время?

Очень много... Особенно с таким мужчиной...

Я спешу к его столу и невольно оступаюсь, неуклюже подворачивая ногу. Взмахиваю руками, пытаюсь удержать равновесие. Это только в фильмах

героини падают красиво и романтично, а герои бросаются им навстречу, чтобы помочь. Шеф не двигается с места, лишь хмуро наблюдает, как я балансирую на одной ноге у его стола, пытаюсь не свалиться совсем. А вот удержат принесенные документы у меня не получается. Листки бумаги разлетаются по кабинету. Я вздрагиваю от собственной неловкости и тут же кидаюсь их собирать. Плюхаюсь на пол, больно ударяясь коленками, и поднимаю на шефа виноватое лицо.

Он злится. Он всегда на меня злится. Почему-то. Смотрит сверху вниз таким сердитым взглядом, будто прямо сейчас готов уволить.

- Побыстрее, Мария! Как можно быть такой нерасторопной?

И что тут скажешь? Я ведь и правда всегда в какой-то ступор впадаю, когда он рядом. Начинаю жутко тормозить и злю его еще больше.

Вот и сейчас, ползаю на четвереньках по полу, собирая разлетевшиеся в разные стороны листочки. Костерю себя, на чем свет стоит, за неаккуратность. Нашла же новый повод вызвать его недовольство! Как будто мне прежних мало было.

Остался всего один лист, прямо под его стулом. Я тянусь туда, задевая плечом длинные, сильные ноги. Сердце ускоряет бег, начинает грохотать где-то у горла, а от волнения потеют ладони. Я никогда не была к нему так близко!

- Мария, ну что вы там возитесь?!

Я закусываю губу, снова поднимая на него глаза. Какой же он красивый! Такой взрослый, солидный, мужественный. Самый лучший мужчина. Совсем не похож на тех мальчишек, с которыми я привыкла общаться. Точно знает, чего хочет.

А сейчас он хочет... меня...

Смотрю на внушительный бугор на его брюках и мучительно краснею. Не будь я такой неопытной и неловкой, знала бы, что делать. Облизываю внезапно пересохшие губы и тянусь дрожащими пальцами к пряжке его ремня. А что, если ему не понравится? У меня же совсем нет опыта... таких вещей. Вообще никакого опыта нет... Я и целоваться-то по-настоящему не умею. Те несколько

раз с Васькой из параллельного – еще в школе – не в счет. Тогда вообще не впечатлили ни его мокрые губы, ни сопение, ни то, как он неуклюже лапал меня.

То ли дело мой шеф! Он наверняка знает, как надо правильно целоваться, чтобы доставить женщине удовольствие. И не только целоваться.

– Мария, долго мне ждать? – тихо, но грозно спрашивает мужчина, и я снова вздрагиваю, принимаясь за дело. Терблю пряжку ремня, которая никак не хочет поддаваться. Справляюсь, наконец, с молнией на брюках, и добираюсь до белья. Ткань совсем тонкая и даже через нее я чувствую его жар.

Провожу кончиком пальца по огромной выпуклости, слыша, как тяжелеет и учащается дыхание начальника. А если у меня не получится?

Накрываю ладонью его пах, чуть-чуть сжимая пальцы, и что-то горячее и очень твердое тут же толкается мне в руку.

– Мария! – он произносит мое имя так, что все тело начинает вибрировать. Грудь наливается тяжестью, а низ живота болезненно скручивает.

Тяну вниз резинку трусов, на мгновение переставая дышать, когда вижу... его. Какой же он... огромный. И тоже красивый. Как и его хозяин. Никогда не думала, что мужской член такой потрясающий. Твердый и упругий, перетянутый сетью выступающих вен. И живой. Он двигается и еще больше растет, прямо на глазах. Тянется ко мне.

Облизываю губы и сглатываю, а рот тут же снова наполняется голодной слюной. От предвкушения. Безумно хочу попробовать его.

– Маа-ари-ия! – полувздых-полустон приводит меня в чувство. – Ну же!

Его нетерпение заводит меня еще больше. Я склоняюсь к бедрам мужчины, накрывая губами пульсирующий орган. Провожу языком по пульсирующей венке, пробуя бархатистую поверхность на вкус.

Его руки запутываются в моих волосах, притягивая ближе, а бедра толкаются навстречу, помогая члену проникнуть в рот. Смыкаю губы вокруг ствола, обводя

головку языком. Втягиваю глубже и начинаю посасывать, медленно продвигаясь по всей длине.

Я все делаю правильно? Это нравится хотя бы немного? Он еще даже до половины не погрузился в меня... А что, если не поместится весь?

Мужские пальцы сильнее давят на затылок, насаживая на каменеющий член. Это так потрясающе! И совсем не противно, как казалось раньше. Наверно потому, что с любимым мужчиной не может быть противно. Ему хочется доставлять удовольствие, снова и снова, даря самые невероятные ласки. Я бы сделала все на свете, чего бы он ни попросил...

– Мария, вы что, уснули там, под моим стулом?! – сильные руки дергают меня за плечи, поднимая с пола, и я встречаюсь со свирепым взглядом шефа. Моргаю, ошеломленно оглядывая идеальное тело. Он полностью одет. И страшно зол. На меня. И совсем не млеет от моих ласк. Как я вообще умудрилась до такой степени замечтаться?

– Оставьте уже этот чертов листок, я сам подниму! – рычит он, с грохотом отодвигая стул и поднимаясь на ноги. Отходит к окну и там оборачивается, снова гневно сверля меня глазами. – Возвращайтесь на свое рабочее место, Мария, и поживее, пока я...

Я не дослушиваю, срываясь с места и бросаясь к выходу с такой скоростью, которой сама у себя не подозревала. Мне ни к чему знать, что прозвучало бы после «пока я». Я не могу потерять это место. И Его – тоже. Не должна потерять. Не теперь, когда влюбилась по самые уши.

Глава 1

– Это совершенно невозможно! Он не возьмет меня на работу!

– Девочка, ты со мной хочешь поспорить? Со МНОЙ?

Я всегда поражалась, откуда у этой женщины столько уверенности в себе. С того самого дня, как оказалась за партой в ее классе.

Капитолина Сергеевна Лавроненко точно знала, чего хочет. И как этого достичь. И чего должны хотеть мы, ее ученики. Никто в классе никогда не решался ей возражать. Знали, что бесполезно. У нее на все существовали железные аргументы. Да и убеждать она умела, так что вскоре после разговора с ней ты и сам начинал думать так же.

Но не в этот раз! Я успела выяснить, как строго относится Алексей Лавроненко к подбору персонала. Не зря же его компания считалась одной из самых успешных в городе. Попасты туда не было ни единого шанса. У таких, как я, – точно. Опыта работы – ноль, вуз, в котором я училась заочно, далеко не самый престижный. Да еще и внешне ничего особенного.

Будь я длинноногой красоткой-блондинкой, может, и стоило попытаться очаровать его и таким образом получить желаемую должность. Но если я и перекрашу волосы, ноги от этого длиннее не станут. И грудь не вырастет больше моего второго размера. И хоть меня и называют хорошенькой... иногда, это явно не то определение, которое помогло бы добиться цели.

– Маша, я считаю тебя целеустремленной и настойчивой девушкой. Не разочаровывай меня! – перебивает мои неоптимистические размышления Капитолина Сергеевна.

– Ну, зачем ему брать на работу простую студентку? Я ведь узнавала в агентстве: у них очередь желающих хотя бы на собеседование к нему попасть.

– Ты неправильно ставишь вопрос, – своим привычным тоном строгой учительницы парирует женщина. – Не зачем ему, а что тебе надо сделать, чтобы получить это место. И как там удержаться. Я уверена, ты найдешь правильный ответ.

Мне бы ее уверенности... Пока все складывается совсем не в мою пользу. В центре трудоустройства даже заявку брать не стали, потому что необходимыми для работы в компании Лавроненко качествами я не обладала.

– А если ему не понравится, что вы мне помогаете? – задаю я еще один мучивший меня вопрос. Потому что и об этом тоже много слышала: как он не любит вмешательств в его дела. – У вас проблем не будет?

Ответом мне становится такой снисходительный взгляд, что я тут же осознаю, какую нелепицу сболтнула. Чего-чего, а проблем эта женщина точно не боится. У нее еще и поучиться стоит, как правильно с ними справляться.

– Значит, ты все поняла? – резюмирует Капитолина Сергеевна. – Завтра отправляешься на новую работу.

– Как завтра? – ахаю я, чувствуя, как сердце улетает куда-то вниз от страха и волнения. – Мы же ничего не обсудили еще. И согласия он не дал. И разве вы успеете с ним поговорить?

– Думай о том, успеешь ли ты! Рабочий день начинается в девять утра, постарайся не опаздывать. Мой сын этого не любит.

Я открываю рот, но тут же закрываю, понимая, насколько бессмысленно возражать. Все еще с трудом верится, что в моей жизни может действительно произойти то, о чем я так давно мечтала, но противиться этому я не собираюсь. Лучше попробую использовать предоставляемый мне шанс по максимуму.

– И да, Мария. Учти и запомни еще кое-что, – строго произносит Капитолина Сергеевна. – Во всем остальном я помогать тебе не буду.

– В чем... остальном? – лепечу я внезапно ставшими непослушными губами, мучительно соображая, могла ли проницательная учительница догадаться, какие тайны скрывает мое глупое влюбленное сердце.

– Я договорюсь только о работе, – поясняет она, сохраняя величественное и невозмутимое лицо. Весь вид ее словно говорит: «Учись, девочка, как нужно себя держать. И прекрати уже мямлить, наконец». – Если же ты всерьез намерена выйти замуж за моего сына, то тут тебе придется постараться самой.

Брови Лавроненко, изучающего мои документы, взлетают вверх. Можно даже не уточнять, в чем дело, – это и так понятно. Вряд ли реакция могла быть другой. То, что взять себе ТАКУЮ фамилию мужа – очень романтично, считала только моя мать. Я её трогательного порыва за все свои 22 года не смогла оценить. Лучше бы она осталась Ярославской. Красиво, звучно, почти по-дворянски. Не то что...

– Серая? – показалось, или мой новый шеф спрятал ухмылку? Хотя чему удивляться, так реагируют большинство людей при знакомстве со мной. И почти всякий раз я ничего не могу сделать с подступающей досадой. Очень люблю своих родителей, но вот ЭТО понять не в состоянии. О чем только они думали? Романтика, серьезно? Неужели им не пришло в голову, что детям с такой фамилией будет жить не слишком-то сладко?

В школе я сидела за одной партой с Элизабет Петровной Савельевой. Вот с ней мы друг друга сразу поняли! Ну, что стоило её родителям назвать дочку Елизаветой? Суть-то одна, только без новомодных извращений. И никто бы девочку не дразнил. А так, не хочется вспоминать, сколько раз мы сбегали с уроков и рыдали на пару на заднем дворе школы, оплакивая несправедливость бытия.

– Ну, не всем в жизни везёт... с фамилией, – с вызовом откликаюсь я на вопрос начальника, допуская мимолетную мысль, что ему подобные переживания точно неизвестны. Продолжаю злиться на мать за оставленный мне «подарочек» и на себя саму, что так и не научилась спокойно реагировать на насмешки. И наконец-то решаюсь поднять на глаза.

И тут меня ждет сюрприз. Вернее, правильнее сказать: потрясение. Лавроненко и не думает смеяться, на красивом, сосредоточенном лице вообще нет ни тени улыбки. Он так смотрит, что под этим его взглядом я невольно сжимаюсь, ощущая себя маленькой и беспомощной. И еще – глупышкой, которая зачем-то решила показать характер. Выпендриться перед шефом в первый же день. Только что я ему этим докажу? Что не умею себя вести? Не лучшее начало, особенно если учесть, что он и так не сильно рад моему появлению.

Мужчина продолжает сканировать меня глазами. Он сейчас очень похож на свою мать. Взгляд испытывающий, глубокий, совсем, как у грозного учителя, словно я на экзамене, к которому не готова. И как вести себя, не знаю. Но там хотя бы есть шанс списать, а сейчас я в полной прострации. И, вдобавок ко всему, еще и

тону в нереально обворожительном взгляде. Сердце то пропускает удары, то, наоборот, ускоряет бег, заставляя меня задыхаться от волнения. Снова.

А ведь он наверняка меня не помнит. Последний раз мы виделись – страшно подумать – восемь лет назад. Вот так: лицом к лицу. Обо всех остальных встречах он не знает, не догадывается даже, это в моей памяти бережно хранится и лелеется каждая из них. Лавроненко же наверняка думает, что явившуюся к нему на работу девицу с дурацкой фамилией видит первый раз в жизни.

Как бы я хотела сейчас заглянуть в его мысли! Тогда, при первой встрече, в доме его матери, в глазах мужчины не было столько холода. Он много шутил, пытаюсь развеселить и растормошить меня, очарованную им и оттого перепуганную до полусмерти. Конечно, ни о чем не догадался, решив, что это на строгие внушения учительницы я так реагирую.

– Мария, я буду честен. Вы здесь только потому, что об этом просила... – пауза в его словах оказывается едва различимой, – Капитолина Сергеевна. Мне очень не хотелось ее разочаровывать. Поэтому и вы не разочаровывайте меня. Наташа введет в курс дела, надеюсь, много времени не потребуется, чтобы освоиться. Постарайтесь доказать, что я не ошибся, согласившись взять вас на работу.

– Ты чего дрожишь? Замерзла что ли? – непонимающе смотрит на меня та самая секретарша Наташа, которая должна ввести в курс всех дел. Она переводит растерянный взгляд на плотно закрытое окно, потом – снова на меня. – Или боишься? – и тут же, понимая, что попала в точку, начинает смеяться. – Маш, перестань. Вот вообще нет повода. Лавроненко – мировой мужик. Он бывает грозным, конечно, но больше для вида. А так нам с начальником очень повезло. Скоро сама убедишься. Он классный.

Вот как раз в этом я нисколечко не сомневаюсь. Причем уже много лет. И забыть пыталась, и сравнивать с другими, и специально выискивать недостатки, чтобы хоть немного остудить собственный пыл. Вот только не вышло ничего. Кажется, я добилась обратного эффекта: полудетские, наивные чувства сменились совсем другими. Теми, что будоражили по ночам, мешая уснуть, когда фантазии становились слишком уж яркими.

Я выросла – и желания, и планы поменялись. И если раньше и надеяться не смела, что этот классный мужчина посмотрит в мою сторону, хотя бы потому, что была совсем ребенком, то теперь могла позволить гораздо больше. Если бы он, конечно, захотел.

Но до этого пока далеко. Сначала я должна понравиться ему не как женщина, а как надежный и квалифицированный специалист. Человек, которому он может доверять. Секретарь – это ведь правая рука, и здесь без доверия никуда. А я знаю так мало...

– Пару раз в день нужно будет сварить кофе, Алексей Андреевич его очень любит, – продолжает рассказывать Наташа.

– А это очень... трудно?

Она перехватывает мой затравленный взгляд, с которым я рассматриваю кофемашину, пытаюсь понять, на какие кнопки нажимать.

– Да ничего трудного, Маш, успокойся! Это же Крупс. Тут все проще простого. Засыпал кофе, включил – и вуаля! И захочешь – не ошибешься. Шеф специально выбрал крутую машину, что даже ребенок справиться мог. Поэтому расслабься, все хорошо будет. Главное, запомни, сливки он не любит, просто черный кофе. И три ложечки сахара.

– Я запишу, – киваю, решая, что лучше не надеяться на свою память. Вдруг подведет от волнения.

– И еще, – добавляет Наташа, – Алексей Андреевич терпеть не может грязной посуды. Поэтому никаких разводов и пятен быть не должно. Там, в тумбочке, там же, где чашки и сахара, пачка соды. Чтобы могла оттереть, если вдруг понадобится.

Я снова киваю: это как раз несложно. Мыть посуду я научилась лет 15 назад. Да и понимаю прекрасно, что подавать начальнику кофе в недостаточно белоснежной чашке – недопустимо.

Наташа одобрительно улыбается и рассказывает мне, что за папки расположены на рабочем столе компьютера и где в шкафу хранятся какие бумаги.

- Ты не волнуйся и сразу звони мне, если в чем-то не разберешься. Буду рада помочь.

Она поглаживает огромный живот, блаженно улыбаясь, и начинает собираться. Я рассматриваю ее и чуточку завидую. Нет, мне, конечно, ещё рано заводить детей, но молодая женщина выглядит такой счастливой, что невольно начинаешь представлять, как они вместе с мужем ждут будущего малыша. И как радуются ему. Это здорово. Она наверняка любима, вон как светится вся. А я пока даже не знаю, что это такое. И теперь, оказавшись так близко к предмету моих девичьих грез, еще сильнее хочу узнать.

- Ну, я побежала, - прощается Наташа и уходит, оставляя меня в одиночестве на новом рабочем месте.

Спустя минут тридцать мне удается немного успокоиться и отвлечься на работу. Я изучаю документы, раскладываю бумаги на столе в ровные стопочки, на всякий случай стираю пыль везде, куда падает взгляд. Здесь наверняка есть уборщица, но когда она приходит, я пока не знаю, а лишний раз вызывать недовольство начальника беспорядком в кабинете мне совершенно не хочется. Пусть лучше у него не будет никаких поводов хоть к чему-то придраться.

- Наташа, принесите мне кофе, пожалуйста! - неожиданно оживает селектор, и в кабинете раздается голос Лавроненко.

Я закрываю глаза, вслушиваясь в низкие, бархатистые нотки. Красиво-то как... Будто он не кофе попросил, а только что в любви признался. Завораживающий голос, пробирающийся в самые сокровенные уголки души и так легко пробуждающий тех самых бабочек, что тотчас сгустились в стайки и принялись порхать в моем животе. Так бы сидела и наслаждалась собственными ощущениями... Но, к счастью, здравый смысл вовремя напоминает о себе. Шеф ждет кофе, и вряд ли ему понравится, что я замечталась вместо того, чтобы выполнить его просьбу.

Поэтому разгоняю бабочек и вытаскиваю из ящика стола листок, где записала Наташины инструкции. Сколько кофе и куда засыпать, какие кнопки нажать. Из

какой кружки любит пить Лавроненко. Ах да, и сахар, три ложечки. Сливков не надо.

Убедившись, что все пункты соблюдены, направляюсь в кабинет. И хоть все сделала правильно, все равно жутко волнуюсь. Замираю на входе, натываясь на недоуменный взгляд: шеф явно рассчитывал увидеть не меня с чашкой кофе.

– А Наташа уже ушла. Она же в декрете... с сегодняшнего дня.

Несколько секунд Лавроненко молчит, видимо, переваривая мои слова, затем кивает.

– Точно, совсем забыл. Поставьте сюда, – указывает на стол, а когда я, оставляя чашку, начинаю пятиться назад, добавляет после небольшой паузы. – Спасибо... Мария.

Можно ли считать это прогрессом? Он запомнил мое имя. И был весьма любезен, даже взгляд вроде бы потеплел немного.

Я не могу не думать об этом. Возвращаюсь в приемную, мысленно поздравляя себя с первым успешно выполненным заданием. Если все и дальше так пойдет...

Дверь за моей спиной с грохотом раскрывается, и меня оглушает возмущенный возглас шефа:

– Мария, что ЭТО??? Что вы мне принесли???

Глава 2

Он вылетает в приемную, останавливаясь в метре от меня. Так резко, что кофе из чашечки в его руке расплескивается, оставляя на светлой плитке некрасивые кляксы. Я почему-то не могу отвести от них взгляд, рассматриваю так внимательно и пристально, будто от этого моя жизнь зависит. Кофе все еще благоухает, но сейчас с его запахом смешивается другой: терпковатый, густой и очень мужской. И настолько приятный, что я закрываю глаза, втягивая в себя

этот незнакомый, но потрясающе вкусный аромат. ЕГО аромат. Почему-то именно в сочетании с кофе он воспринимается так правильно, так гармонично...

– Маа-ри-я! – Лавроненко выделяет каждый слог в моем имени. Сейчас его голос звучит тише, но при этом куда более грозно, чем мгновенье назад. Словно это затишье... перед бурей.

Я распахиваю глаза, прогоняя захватившие меня фантазии. Вот ведь, нашла время мечтать! Для начала стоит хотя бы разобраться, почему этот мировой мужик, которого мне расхваливала Наташа, так неожиданно превратился в разъяренного тигра.

– Я задал вопрос, – цедит шеф сквозь зубы, одновременно пытаюсь испепелить меня взглядом. – Что. Это. Такое?

Он подносит чашку к моему лицу, и я перестаю дышать, на мгновенье представляя, что сейчас ее содержимое окажется у меня на голове. Или куда обычно выливают испорченный продукт?

Но почему испорченный?? Я ведь сделала все правильно! Совершенно точно! Пячусь к столу и снова хватаю лист с указаниями прежней секретарши. Перечитываю, чтобы убедиться в собственной правоте. Вот что ему не так?!

– Кофе. Как вы любите, – мне страшно до дрожи в коленках, но я все равно стараюсь говорить, как можно более уверенно. Капитолина Сергеевна всегда учила отстаивать себя. Мало ли что могло взбрести ему в голову! Я-то здесь при чем? Для большей убедительности поворачиваю исписанный листок так, чтобы его содержание было видно шефу. – Вот, посмотрите. Черный кофе. Никаких сливок. Три ложечки сахара. И какие кнопки нажимать, я тоже записала!

Лавроненко действительно переводит взгляд на мою писанину, но лишь на короткие секунды. Потом снова смотрит в упор. Делает шаг ко мне, вынуждая отступить и упереться попой в стол. Край его твердой крышки врезается в ягодицы, и я замираю. Дальше двигаться просто некуда. А шеф так близко, что я чувствую его дыхание. Глаза потемнели и блестят. От гнева? За что он так сильно злится на меня? А губы жесткие на вид, сухие и покрыты крошечными трещинками. На расстоянии это совсем незаметно, а вот так, вблизи, я вижу каждую из них. И собственный рот саднит от потребности дотянуться,

дотронуться языком, увлажнить, смягчить, долго-долго пробуя их на вкус. Пугаюсь собственного желания и опускаю глаза ниже. На шее мужчины дергается кадык и я, как замороженная, упираюсь туда глазами. Зачем-то рассматриваю тугой узел на галстук и то, как натягивается ткань белоснежной рубашки при каждом вздохе.

– Значит, сахар. Вы уверены? – бровь шефа вопросительно приподнимается, но выражение лица я понять не могу. Он вроде бы не собирается больше прямо сейчас бросаться на меня, но и совсем не похоже, что перестал злиться.

– Конечно! – уверенно киваю я. За кого он меня принимает? Я же не маленький ребенок, чтобы перепутать...

В следующее мгновение ахаю, отталкивая мужчину, и бросаюсь к тумбочке. Озарение – кажется, так это называется. До меня вдруг доходит, что именно я натворила. Но КАК такое могло случиться – совершеннейшая загадка.

– Или все-таки не сахар? – теперь в его голосе отчетливо слышится усмешка. Мужчина приближается ко мне, сидящей на коленках на полу, перед раскрытой тумбочкой. Наклоняется, беря в руки белую картонную пачку. – Мария, а вам никогда не рассказывали, чем сода отличается от сахара? Ну, помимо того, что у них на упаковках разные надписи?

Кусаю губу и не осмеливаюсь поднять на него глаза. Ужасно хочется разрыдаться, потому что я с треском запоролла свой первый рабочий день. А может, и все последующие. Если Лавроненко захочет теперь меня уволить, то будет абсолютно прав. Зачем ему секретарша, которая допускает такие ляпы? И то, что она, то есть я, по уши в него влюблена и поэтому рассеянна, несколько не оправдывает. Тем более, что он об этом ничегошеньки не знает.

– Значит так, Мария, – втягиваю голову в плечи, собираясь услышать слова об увольнении, но Лавроненко произносит совсем другое. – Вечером жду от вас подробный отчет. Письменный. О разнице между этими двумя... хм... продуктами. Ваши личные измышления, не вздумайте списать из интернета! Я проверю!

Он уходит, оставляя меня на полу, в растрепанных чувствах, с тоской рассматривающую то растекшиеся кофейные пятна, то картонную пачку с

надписью «Сода» в раскрытой тумбочке.

Ну как, как меня угораздило? Беру в руки упаковку, зачем-то трясу ее, наблюдая, как пересыпается внутри белый порошок. Давлюсь горьким вздохом, снова прокручивая в голове случившийся скандал. Это еще повезло, что Лавроненко меня не уволил. А ведь мог бы! И все закончилось бы, даже не начавшись.

Чашка так и стоит на краю стола, там, где шеф ее оставил. Кофе наверняка остыл, но сейчас это неважно. Поддаваясь какому-то мимолетному порыву, я беру ее в руки, с опаской оглядываясь на дверь в кабинет начальника. А потом быстро делаю глоток. И тут же начинаю кашлять, расплескивая содержимое.

Вкус и правда ужасный. Он не поддается описанию, вроде бы и нет ничего конкретного, к чему можно было бы придраться. Ни горчит, ни кислит. Пахнет так, как и должен пахнуть качественный кофе. Но это все равно противно до жути. И тем отвратительнее я чувствую себя, осознавая, какую гадость преподнесла тому, кто значит для меня так много.

В моих мечтах все происходило совсем иначе. Я с первого дня должна была произвести на него впечатление. Стать идеальным секретарем и незаменимым работником. Чтобы он нарадоваться не мог, что взял меня в свою фирму. А вместо этого чуть не отравила. Что если ему стало бы плохо?

От этой мысли меня кидает в жар, и я пугаюсь так сильно, будто и правда чуть не довела шефа до больницы. Такое я бы точно не смогла себе простить!

Снова вздыхаю и принимаюсь за уборку. Раз уж повезло настолько, что мне позволили здесь остаться, надо хотя бы в будущем избежать ошибок. И что там говорил Лавроненко про отчет о разнице между содой и сахаром?

Конечно, это шутка. Он наверняка не станет выслушивать ничего подобного, а сказал только для того, чтобы побудить меня быть внимательнее.

А если нет? Я снова вспоминаю грозный взгляд мужчины. Ведь приказы начальства надо выполнять, какими бы глупыми и нелепыми они ни казались. Да и признать свою ошибку лишний раз тоже не помешает.

Я решаю не дожидаться вечера. Стираю с пола кофейные лужицы, беру злополучную соду и оттираю до сияющей белизны и скрипа чашку. На всякий случай. И все-таки заглядываю в Интернет. Нет, не для того, чтобы найти разницу: об этом я и сама прекрасно могу рассказать. Но мне надо убедиться, что выпитый глоток или два не принесут моему шефу никакого вреда.

Информация, которой щедро делится со мной поисковик, заставляет улегшееся было беспокойство встрепенуться с новой силой. Я читаю про симптомы отравления содой: «тревожность, излишняя раздражительность, перепады настроения, слабость, головные боли, жар, головокружения, сильное чувство жажды, нарушение чувствительности в конечностях...» Перепады настроения и раздражительность уже точно наблюдаются, а если присоединятся другие симптомы, можно и до больницы не доехать.

И, не выдержав больше ни минуты, бросаюсь в кабинет.

– Алексей Андреевич... – произношу, чувствуя, каким непослушным и тяжелым внезапно стал язык. Особенно когда мужчина поднимает голову от бумаг, сумрачно уставившись на меня.

– Что вам нужно, Мария?

Мне кажется, или он действительно выглядит бледнее, чем раньше? И галстук зачем-то снял и положил на стол. Неужели все так плохо и ему тяжело дышать?

– Вы... хорошо себя чувствуете? – вопрос дается с трудом, я и сама едва держусь на ногах от волнения.

А шеф хмурится, рассматривая меня со смесью недоумения и недовольства. Но молчит, и тогда я тихонько уточняю:

– Голова не кружится? Слабости нет? Я прочитала, что такое бывает... при отравлениях... Я воды принесла, сейчас надо пить... побольше.

Его глаза расширяются, а рот как-то странно кривится, и я пугаюсь еще больше. Подлетаю к столу, опуская ладонь ему на лоб. И облегченно выдыхаю: жара нет. А в следующее мгновение на моем запястье стальной хваткой смыкаются пальцы

мужчины.

Лавроненко снова злится и, кажется, на этот раз еще сильнее, чем раньше. Хотя и пытается держать себя в руках. Но я все равно вижу почерневшие глаза с расширившимися зрачками и раздувающиеся от тяжелого дыхания ноздри. И что-то подсказывает мне, что дело вовсе не в последствиях отравления. Это я, кажется, довела шефа до такого состояния, что он всерьез размышляет, придушить меня прямо сейчас или немного погодя. Чем дальше в лес, как говорится... Но я-то ведь хотела, как лучше. Правда хотела! И испугалась за него по-настоящему!

– Алексей Андреевич, не сердитесь, пожалуйста! – мой голос почему-то звучит ужасно плаксиво. И глаза застилает туман, и я не сразу понимаю, что это слезы. А когда понимаю, прикусываю губу, пытаюсь сдержаться. Я ведь не собиралась плакать. Это вышло как-то само, а теперь мой начальник наверняка подумает, что я таким образом пытаюсь его разжалобить. Женщины ведь всегда льют слезы, когда хотят чего-то добиться. Конечно, я знала про этот трюк, но у меня и в мыслях не было его использовать. Вот только поверит ли мне Лавроненко? – Я просто очень испугалась. Прочитала, что может быть от переизбытка соды, и...

Я проглатываю остаток фразы, а выражение лица мужчины неожиданно меняется. На место гнева приходит ехидная и немного снисходительная улыбка.

– И бросились меня спасать? Я польщен, Мария, но надеюсь, в следующий раз вы просто будете внимательнее. А сейчас успокойтесь, никакого переизбытка у меня нет. Я и выпить-то толком ничего не успел. Вы сотворили редкостную гадость, такое не очень-то проглотишь.

– Простите, – снова лепечу я, чувствуя, что заливаюсь краской. Мне действительно стыдно за этот инцидент. И еще безумно жаль, потому что я вспоминаю слова Капитолины Сергеевны. Она очень любит повторять, что не будет другой возможности произвести хорошее первое впечатление. Я упустила свой шанс! И хотя меня не уволили, теперь Лавроненко будет думать обо мне не как о незаменимой сотруднице, а как о рассеянной и невнимательной девице, не способной отличить соду от сахара.

– Идите уже работать, Мария, – вздыхает шеф, и я только теперь понимаю, что рука мужчины по-прежнему стискивает мою. И он тоже замечает это, разжимает

пальцы, и тут же опять хмурится, рассматривая отчетливо проступившие на коже отпечатки.

С его губ срывается что-то невнятное, но очень напоминающее ругательство. Он разглядывает мою руку, а потом поднимает мрачный взгляд уже на меня.

– Я не должен был так... Вообще никак! Простите!

Мое бедное сердце не выдерживает. Это слишком: я и так очарована им, считая самым лучшим мужчиной на свете, а видеть вину в его глазах и слышать извинения – это до такой степени трогательно и волнительно, что мне ужасно хочется расплакаться от умиления и повиснуть у него на шее. И только жалкие остатки здравого смысла удерживают от такого шага. Лавроненко вряд ли оценит мой порыв, а спровоцировать новое недовольство с его стороны мне совершенно не хочется.

Поэтому я опускаю ресницы, надеясь, что плещущийся в глазах восторг он заметить не успел. И бормочу что-то вроде того, что ему не о чем беспокоиться. Мне не больно и вообще, я сама виновата. А когда он хмурится сильнее и, кажется, собирается возражать, несусь к двери, скрываясь в спасительном уединении приемной.

Все-таки для одного дня очень много впечатлений. И мне надо побыть одной, чтобы все обдумать. Прочувствовать. И решить, что делать дальше, чтобы попытаться исправить неудачное впечатление о себе.

Глава 3

– Колись, давай! – требует от меня подруга, когда мы встречаемся с ней после работы в нашем любимом кафе. Частенько проводим здесь вечера, когда не надо спешить домой. Здесь готовят вкуснейшее какао и пекут потрясающие булочки, а людей никогда не бывает много. Небольшое и очень уютное, это местечко прямо-таки располагает к душевным разговорам.

– О чем ты? – я делаю вид, что не понимаю, но обмануть Ларку не стоит и пытаться.

– Не о чем, а о ком, – подчеркивает она. Ерзает на стуле и зачем-то потирает ладони, смущая меня с откровенным любопытством. – Маш, ну, не томи! Мне же жуть, как интересно!

Я молчу, рассматривая, как тают в сливочно-шоколадной пенке крошечные кубики маршмеллоу. Что ей рассказать? Какой дурой я оказалась, насыпав шефу в кофе соду вместо сахара?

Но Лариса – моя лучшая подруга, и поделиться сжирающими меня переживаниями больше не с кем. Тем более, что ей давно все известно. Она была первой, кто узнал о моих чувствах к сыну нашей учительницы. И кто хранил вместе со мной эту тайну все прошедшие годы. И, конечно же, знает, как я мечтала получить эту должность. И как волновалась перед первым рабочим днем. Не поделиться печальными подробностями было бы просто нечестно.

Ларка выслушивает, с каждой новой фразой все шире раскрывая глаза, а потом начинает смеяться. Звонко и весело, даже не пытаюсь сдержаться. А когда я дуюсь, обиженно глядя на нее, качает головой.

– Ну, перестань, я же не со зла. Просто это действительно смешно! И я не знаю больше ни одного человека, который мог бы такое учудить.

– Ага, обхохочешься, – бурчу я в ответ. – Мне вообще-то страшно стало. А если бы я отравила его?

– Да ничего бы с ним не случилось! – тоном знатока уверяет Лариса, словно каждый день только и делает, что угощает знакомых кофе с внушительной порцией соды. – Крепкий, здоровый мужик, что ему будет? И потом, некоторые специально добавляют в кофе щепотку соды, там как-то при этом кислотность меняется. В лучшую сторону. И желудок после такого кофе не болит.

– У меня-то не щепотка была. Вернее, у него, – вздыхаю я и хмурюсь, заново переживая события прошедшего рабочего дня. – Могу себе представить, что он теперь думает обо мне!

– Зато ему с тобой никогда не будет скучно! – выдвигает подруга новый аргумент в утешение. И внезапно замирает, уставившись на мои руки.

– Маш?

До меня не сразу доходит, в чем дело. Лишь когда я вижу, куда именно она смотрит, понимаю, что Ларка заметила красные пятна на моем запястье, оставленные пальцами Лавроненко. Тяну вниз рукав, но поздно: она уже все успела разглядеть.

– Это то, что я думаю? – Кравцова приоткрывает рот и смотрит на меня сначала с ужасом, а потом ему на смену приходит что-то, очень сильно похожее на восхищение. – Машка, неужели вы...? Так сразу? Вот это мужик!

– С ума сошла? – ужасаюсь я, не веря, что слышу подобную дикость от собственной подруги. – Он ведь думает, что сегодня увидел меня впервые в жизни. А настоящие мужчины не набрасываются на незнакомых женщин.

– А если незнакомые женщины очень даже не против... познакомиться поближе? – хитро щурится Лариса. – Намного, намного ближе? Мм? Ты не попробовала ему об этом намекнуть?

На самом деле она только на словах такая смелая, а в реальности сбежала бы от шефа еще быстрее меня, если бы случилось что-то подобное. Мы, наверное, потому и сдружились, что на многие вещи смотрим похоже. И на отношения, в том числе.

Ларка, как и я, мечтает о настоящем принце. Только вот я принца встретила давным-давно, хоть он сам пока об этом и не знает. А подруга все перебирает варианты, надеясь, что следующий окажется лучше предыдущего. Но и она первой бы не призналась мужчине в своих чувствах.

– Перестань, – прошу ее и все-таки прячу отпечатки мужских пальцев под рукавом блузки. – Он не такой, и я не собираюсь ни на что намекать. Инициатива не от меня должна исходить, и ты это прекрасно знаешь.

Ларка понимающе вздыхает, но тут же пристает ко мне с новым вопросом:

– А какой, Маш? Ну, расскажи мне! Я не представляю, каково это: любить такого взрослого мужика. Насколько он старше тебя?

– На двенадцать лет, восемь месяцев и шесть дней, – тут же без запинки отвечаю я, и глаза моей подруги снова становятся размером с блюдца.

– Ты что, даже дни считаешь? Вот это угораздило тебя, мать... Не думала, что все так серьезно.

Сейчас она немножко лукавит. Как же, не думала, когда мы много-много раз говорили об этом... Лариса прекрасно знает, как глубоко я влипла, вот только время от времени пытается разубедить меня. И даже иногда пробует познакомить с кем-то, заманив на одну из тех вечеринок, где бывает сама. Но какой в этом смысл, если в моем сердце есть место только одному-единственному человеку?

Я допиваю какао и чувствую, что напряжение первого рабочего дня постепенно отступает. Да, случился казус, но все ведь обошлось! А в следующий раз я ни за что не допущу никаких глупостей. И действительно стану самой незаменимой сотрудницей. Мне бы только узнать о нем побольше... Той информации, что успела рассказать Наташа о вкусах шефа, крайне мало.

– О чем задумалась? – спрашивает Лара, расправляясь с аппетитным пирожным, украшенным взбитыми сливками. Уже третьим по счету. Везет ей, может есть, сколько угодно – и никаких последствий. Мне же больше одного нельзя, иначе очень быстро наберу лишние сантиметры и килограммы. А это совсем некстати. Я понятия не имею, какие именно девушки нравятся моему начальнику, но рисковать, поправляясь, совершенно не хочу.

– О том, как мало я о нем знаю, – грустно признаюсь подруге. Я пыталась искать его в соцсетях, чтобы выведать оттуда хоть какую-то информацию, но Лавроненко нет ни в одной из них. И хотя это и делает его еще загадочнее и привлекательнее в моих глазах, но нисколько не облегчает задачу узнать получше.

– А поговорить с Капитолиной Сергеевной не хочешь? – задумчиво интересуется Лариса. – Она наверняка сможет рассказать тебе какие-то секреты. Ну, про любимое блюдо, например, или, наоборот, что он терпеть не может.

– Не знаю, – пожимаю плечами, не решаясь признаться, что и сама думала об этом. Но ведь здесь надо быть крайне осторожной, чтобы мать Алексея ничего не заподозрила. А я не уверена, что смогу.

– Мне кажется, отличная идея, – внезапно оживляется Лара, и я начинаю жалеть, что вообще затеяла этот разговор. Теперь от нее не отвертишься. Так и есть: подруга отставляет блюдце с недоеденным пирожным и смотрит на витрину, где выставлено еще множество вкусностей. – Давай прямо сейчас к ней поедем. Купим торт – и вперед. А чего тянуть?

– Маша, я даже слушать не хочу никаких возражений, – Капитолина Сергеевна добавляет чая в мою чашку. – Ты в зеркало себя давно видела? Худеть до такой степени попросту неприлично.

О да, спорить действительно бесполезно. Моя строгая учительница лучше всех знает, что прилично, а что нет. Она еще в школе ругалась, если кто-то из девочек отказывался идти в столовую.

– Нельзя истязать себя, – нравоучительно замечает она, придвигая поближе ко мне блюдце с кусочком торта. – Голодная женщина становится злой. И соображает значительно хуже. Тебе же не нужны проблемы на работе? Кстати, как прошел первый день?

– В целом нормально... наверно, – лепечу я что-то невнятное, но не могу же рассказать, как чуть не отравила ее сына. – Вникала во все потихоньку.

– Мне не нравится твой настрой, – хмурится Капитолина Сергеевна. – Нормально – это очень неопределенное понятие. Оно совершенно ничего не выражает. Нужно учиться формулировать свои мысли и ощущения более конкретно. Итак, твой начальник остался доволен?

Вряд ли. Даже наверняка нет. Но я не представляю, как признаться в этом ей – его матери. И пока перебираю в голове всевозможные фразы, пытаюсь найти хотя бы одну, мало-мальски подходящую, мне на помощь приходит Лариса.

– Капитолина Сергеевна, а может быть, вы расскажете что-то про Алексея? Ну, например, его особенности, пристрастия. Что он любит, или, наоборот, что ему сильно не нравится. Маше тогда будет проще адаптироваться на новом месте.

Зачем же так прямо? Я едва сдерживаюсь, чтобы не заехать подружке локтем в бок, заставляя замолчать. Она и так уже сказала слишком много. И если не остановится, скоро выболтает все мои секреты. С благими намерениями, конечно, но вряд ли от этого станет легче.

– Девушки, а почему вы решили, что должно быть проще? Это совершенно неправильная трактовка слов Льва Николаевича о том, что величайшие вещи всегда просты. Толстой говорил о другом, и мне крайне неприятно осознавать, что этот материал вы не усвоили. Мы проходили его в 10-м классе! У вас было достаточно времени, чтобы все обдумать!

Мысленно закатываю глаза и все-таки щипаю под столом подругу. Кто ее только за язык тянул? Сейчас последует целая лекция о том, как опасно жить с таким настроем. Я уважаю Капитолину Сергеевну, но совсем не готова выслушивать что-то подобное.

– Нет-нет, конечно же, Лариса совсем не то имела в виду, – я еще надеюсь что-то исправить, но женщина строго замечает:

– И потом, Маша, я же предупреждала, что соблазнять моего сына помогать тебе не стану. Поэтому можешь не утруждаться, выведывая информацию.

Кусочек торта, который я все же отправила в рот, тут же встает поперек горла, и я начинаю кашлять, одновременно мучительно краснея. Зачем мы только приехали сюда? Вот чувствовало же мое сердце, что ничего хорошего из этой идеи не выйдет!

Но на этом мои испытания не заканчиваются. Я не сразу справляюсь с кашлем и пропускаю все другие звуки. И не слышу, как открывается входная дверь. Хотя, если бы и слышала, вряд ли бы успела сбежать. Только и остается, как, делая ртом судорожные глотки и все еще пытаюсь восстановить дыхание, смотреть на входящего в комнату мужчину. И отчаянно желать прямо сейчас провалиться сквозь землю.

Глава 4

Надо отдать Лавроненко должное: свое удивление по поводу моего присутствия в доме матери у него прекрасно получается скрыть. На лице лишь на короткое время мелькает недоуменное и слегка растерянное выражение. Но тут же исчезает.

– Мама, – он склоняется к матери, легко касаясь губами ее щеки, а затем сдержанно кивает нам с Ларкой. – Добрый вечер.

– Здравствуй, дорогой. Ты как раз к чаю, – женщина выглядит настолько довольной, будто встречает сына после долгой-долгой разлуки. А я только сейчас замечаю на столе еще одну чашку. Капитолина Сергеевна что, заранее знала, что он приедет? И даже не намекнула на это? Хотя с чего бы ей нас предупреждать? Это мы с Ларисой явились без приглашения, а Алексей – ее сын. И совершенно логично, что он приезжает навестить мать... как бы я ни тяготилась его обществом.

– Я принесу чайник, – поднимается учительница, и улыбка на ее лице делается строже. – А ты не забудь вымыть руки.

– Забавно, – шепчет мне Лариса, едва мы остаемся в комнате одни. – Она его до старости поучать будет? Смешно, знает же, что взрослый человек уже. И все равно – «помой ру-у-у-у-ки», – тянет, передразнивая, и у нее выходит так похоже, что я невольно смеюсь. А Ларка тем временем продолжает. – Я тебя теперь понимаю, – и мечтательно закатывает глаза. Сама бы не отказалась поработать у такого шефа. И от всего остального тоже не отказалась бы...

– Перестань! – цыкаю на нее. Нашу болтовню вряд ли услышат, но обсуждать Лавроненко за его спиной, особенно когда он так близко, мне неловко. И совсем не хочется разволноваться до такой степени, что это станет заметным.

– А что такое? – продолжает дразнить меня подруга. – Правда ведь шикарный мужчина. Староват немного, но совсем без недостатков быть невозможно.

– Лариса! – выдыхаю я как раз в тот момент, когда шеф и его мать возвращаются в комнату. Капитолина Сергеевна наливает чай, а я же тороплюсь расправиться с остатками своего торта. Мне кажется, или действительно в коротком, брошенном на меня взгляде мужчины сквозит раздражение? В любом случае будет лучше, если мы уедем отсюда побыстрее. Но прежде я все же решаю объясниться.

– Алексей Андреевич, простите, мы не хотели мешать вашему общению с мамой. Заехали с подругой навестить учительницу.

Он слегка приподнимает бровь.

– Вы учились у Капитолины Сергеевны? Вот как?

Раньше, чем я успеваю ответить, звучит возмущенный голос его матери.

– Алексей, как можно? Тебе же только 34, когнитивные нарушения в твоём возрасте – это очень плохой показатель. Ты должен обязательно проконсультироваться со специалистом.

– Мама, о чем ты? – он хмурится. – Какие нарушения? Я прекрасно себя чувствую.

– Не думаю, что провалы в памяти подходят под определение «прекрасно».

– Какие еще провалы? – он изумляется еще больше, а вместе с ним – и мы с Ларкой, не понимая, о чем идет речь. Почему женщина решила обсуждать такие вещи в нашем присутствии?

– Ты не помнишь, что вы знакомы! – поясняет Капитолина Сергеевна, глядя на сына со смесью волнения и укора.

– Конечно, знакомы, – подтверждает тот. – Ты же сама уговорила меня взять Марию на работу. Сегодня был ее первый рабочий день. Разумеется, мы виделись в офисе.

– Алексей, ты меня пугаешь! – на лице учительницы и правда появляется отчетливо-испуганное выражение. – Я в свои семьдесят лет лишена подобных

проблем. Какой образ жизни ты ведешь, что он настолько пагубно сказывается на твоей памяти?

– Так, – Лавроненко поднимается из-за стола и начинает вышагивать по комнате, глядя то на меня и еще больше хмурясь при этом, то на мать, выискивая на ее лице разъяснения. – Ты сейчас пытаешься донести до меня что-то, о чем я забыл? Что-то важное, раз это тебя настолько шокирует?

– Сын, критерии важности могут быть весьма относительны и меняться в зависимости от жизненных обстоятельств. Но не помнить в принципе очевидных вещей в твои годы – это серьезный повод забить тревогу.

– И что же я не помню?

– Не что, а кого, – с выражением священного ужаса на лице подчеркивает его мать и указывает на меня. – Эту милую девушку. Вы ведь уже общались с ней в нашем доме. В достаточно теплой и тесной обстановке.

Сидящая рядом Ларка начинает кашлять, давась с трудом сдерживаемым смехом, а я чувствую, что краснею. Не только щеки, как обычно, но и все лицо, и даже уши начинают гореть. Это что, он мысленно кроет меня, на чем свет стоит?

– Мы, пожалуй, пойдем, Капитолина Сергеевна, – выдавливаю ставшим внезапно писклявым до безобразия голосом. Будто и не своим вовсе. Толкаю подругу в бок и поднимаюсь сама. Наверняка будет лучше, если дальнейшие рассуждения о когнитивных нарушениях они продолжат без нас. А то чуется мое сердце, завтрашний рабочий день точно станет для меня последним.

– Да-да, поздно уже, – поддакивает понимающая Лариса, и мы обе, как сговорившись, кидаемся в коридор, почти синхронно натягивая на себя куртки.

А из гостиной доносится грозный голос учительницы:

– Алексей, ты же не позволишь девушкам добираться домой самостоятельно? Это небезопасно! Удивительно, почему я должна говорить тебе такие очевидные вещи!

Предательница Лариса сливается, едва мы оказываемся на улице. Улыбается медовой улыбкой. Вот только не мне – Лавроненко.

– Алексей Андреевич, меня подвозить не надо: я живу на соседней улице. А вот Маше топать три квартала. Трамваи в это время уже плохо ходят, так что ваша помощь будет очень кстати, – и, чмокнув меня в щеку, подмигивает и направляется в сторону своего дома.

Хочется запустить ей что-нибудь вслед. Как она могла так меня подставить? Это же выглядит, как будто...

– Я тоже сама доберусь... Прогуляюсь перед сном, воздухом подышу, – начинаю лепетать, видя, что перспектива прокатиться со мной шефа нисколько не радует. Но он тут же прерывает меня.

– Садитесь в машину! – приказывает сухо и отрывисто и смотрит так сурово, что возражать дальше я не решаюсь.

Забираюсь в салон, жалея, что вообще повелась на Ларкину идею. Вот чувствовало мое сердце, что ничего хорошего из нее не выйдет! Не завялись мы к Капитолине Сергеевне со своими расспросами, не было бы сейчас этой неудобной ситуации.

– Мы действительно встречались раньше? – заводя машину, спрашивает Лавроненко. А смотрит не на меня – прямо перед собой, на дорогу. И хотя я понимаю, что во время движения невозможно общаться иначе, все равно напрягаюсь. Я ведь и так на нервах.

– Да, но вы не должны беспокоиться по этому поводу, – и, понимая, как двусмысленно могут звучать мои слова, тут же поясняю: – То есть я хочу сказать, что никаких провалов в памяти у вас нет. Дело совсем в другом.

– И в чем же? – его губы слегка подрагивают, и он все-таки поворачивает голову ко мне, тормозя на светофоре, и окидывает внимательным взглядом. А я не могу понять, что в этом взгляде. Любопытство? Усмешка?

– Вы и не должны помнить. Это ведь было давно. И я сильно изменилась с тех пор. Выросла.

– Правда? – он все-таки ухмыляется. Уголки губ ползут вверх, хотя мужчина изо всех сил старается сдержаться. И я отчетливо читаю в темных глазах: «И вовсе ты не выросла. Такая же маленькая и глупая».

Становится обидно почти до слез, но плакать нельзя. По крайней мере, не здесь и не при нем. Доберусь до дома, а там уже можно расслабиться и нареветься. Устраивать истерики перед шефом – совсем никуда не годится. И я кусаю губу, пытаюсь привести себя в чувство.

А его взгляд неожиданно меняется. Становится строже и резче, темнеет, обретая цвет растекшейся за окном ночи. А воздух в салоне как будто густеет, прекращаясь в туго натянутую сеть. Тронь ее – и завибрирует, зазвенит пронзительным звоном.

– Светофор, – шевелю я губами, краем глаза замечая зеленый сигнал. И тихонько выдыхаю, только когда машина трогается, а мой суровый шеф снова смотрит на дорогу. И молчит все оставшееся время до моего дома.

Я веду себя, как мышка, надеясь, что сегодня ничего худшего уже произойти не может. Зря. Мои зловключения не закончились, наоборот, кажется, они только начинаются. Потому что, выходя из машины, я умудряюсь оступиться. Нога подворачивается, простреливая острой болью. Но даже не это самое страшное. Я начинаю падать, а открывший мне дверь Лавроненко, как настоящий джентльмен, не дает этому случиться. И я не приземляюсь на землю, а оказываюсь прижата к твердой мужской груди.

От волнения у меня перехватывает дыхание. Ведь представляла себе подобные сцены бесчисленное количество раз. Фантазировала, выдумывала, как и что может произойти. И в любой из этих картинок, нарисованных моим сознанием, Лавроненко становился спасителем. Всегда вовремя приходил на помощь, протягивал руку, произносил нужные слова... Но только в моих мечтах это не было так страшно.

А сейчас... сейчас я жалею, что просто оступилась, а не провалилась сквозь землю. Слишком много неприятностей для одного дня! Ну, какой нормальный

начальник станет терпеть секретаршу, которая не только не помогает, но нуждается в том, чтобы ее нянчили?

- Простите, - шепчу еле слышно, потому что подступившее смятение перекрывает горло тугим комком. Пытаюсь встать на ноги, но тут же ойкаю, морщась от боли. Она оказывается куда сильнее, чем вначале. И это пугает еще больше: как я теперь доберусь до квартиры?

А обращенное ко мне лицо Лавроненко напоминает грозовую тучу. «И зачем ты только свалилась на мою голову?» - читаю в черноте его глаз.

- Я не специально, - тороплюсь признаться, хоть и не верю, что эти мои слова существенно облегчат ситуацию. И опять пытаюсь опереться на поврежденную ногу. Совершенно напрасно, потому что болит она ужасно, а держать не хочет совсем.

Мужчина улыбается уголком губ, но глаза остаются серьезными.

- Не делайте резких движений, они вас сейчас противопоказаны.

Почему-то вздыхает и... подхватывает меня на руки.

И тут я совсем забываю, как дышать, потому что о таком и мечтать не могла. Вернее, мечтала, много-много раз, особенно о том, что должно произойти потом. Как я обвиваю его шею руками, смотрю в глаза, которые так близко, как не были еще никогда... А его объятия становятся крепче, губы склоняются к моим губам и...

- Мария, повторяю свой вопрос: какая у вас квартира? Я не против, конечно, подышать свежим воздухом в вашем обществе, но мы уже собрали зрителей. Да и вашу ногу надо осмотреть.

Я только теперь замечаю, что он прав: дежурящие на лавочках у дома бабушки оживились и прекратили делиться друг с другом местными новостями. Все до одной уставились на нас. Не то чтобы меня это сильно смущает, но становится предметом обсуждения целого двора все же хочется не очень.

– Кто-то есть дома? – уточняет Лавроненко уже в лифте. И теперь наступает моя очередь вздохнуть. Родители еще вчера уехали на дачу, а брат давно живет отдельно. Квартира пуста... и что подумает мой шеф, когда узнает об этом? Что я все специально спланировала?

– Никого, – мне ужасно хочется спрятать глаза, но единственный способ сделать это: уткнуться ему в шею. И хотя такой вариант более чем соблазнительный, все же не решаюсь его использовать. Вполне достаточно и того, что уже натворила. Просто рассматриваю суровое лицо, углубившуюся складочку между бровей, поджатые губы. Мужчина прямо-таки источает недовольство, а я все равно млею от его присутствия. Стараюсь дышать как можно тише, по капле втягивая его аромат. Если завтра меня все-таки ждет увольнение, и мы никогда больше не увидимся, то я запомню эти мгновенья, как самые сладкие в жизни.

– Ключ! – требует шеф, остановившись у моей квартиры. Я начинаю ерзать у него на руках, пытаюсь добраться до сумочки, болтающейся где-то сбоку, и мужчина неожиданно что-то цедит сквозь зубы. И заполучив, наконец, ключи, теснее прижимает меня к себе, чтобы удержать, пока орудует с дверью.

Это невероятно! Никогда в жизни не было так стыдно и одновременно так волнительно-сладко. Он как-то умудряется включить свет и только после этого помогает сесть на пуфик у стены. Дышит глубоко и часто, и я запоздало понимаю, что таскать меня на руках – то еще удовольствие. Никогда больше не буду есть ни пирожные, ни торт! Ни кусочка в рот не возьму! Если бы я сегодня вечером не слопала столько, ему хоть немного было бы легче.

– Спасибо! – поднимаю глаза, продолжая сипеть сквозь застрявший в горле ком. – Не знаю, как бы я добиралась сама.

– Прыгали бы на одной ноге, – пожимает он плечами, снова слегка улыбаясь губами, но сохраняя серьезность в глазах. – Правда, это было бы чревато новой травмой. Так что хорошо, что я оказался рядом.

От этих слов становится еще слаще, будто я опять попробовала пирожное, вот только таких вкусных мне раньше не попадалось. И пока я смакую незнакомый и потрясающий вкус, мужчина опускается на корточки передо мной и стягивает с поврежденной ноги туфлю. И так легко и быстро ему это удается, что я чувствую боль лишь на мгновенье. А потом он тянет вверх штанину брюк, обнажая мою

щиколотку, и хмурится, рассматривая явно припухшую кожу. Дотрагивается кончиками пальцев, заставляя меня вздрогнуть. И от этого мрачнеет еще сильнее.

– Больно?

Я сглатываю и облизываю пересохшие губы. И не знаю, что сказать. Потому что да, больно, но совсем не это волнует меня сейчас. И куда большую бы вытерпела боль, лишь бы продлить мгновения рядом с ним. Чтобы он дотрагивался вот так: бережно и осторожно, будто лаская. Чтобы чувствовать, как растекается от его прикосновений тепло по телу, смешиваясь с пустившимися в пляс мурашками. Как саднит между ног какой-то незнакомой тяжестью, и хочется сдвинуть их, сжать и хоть немного ослабить это давление. Или, наоборот, усилить, позволяя себя наслаждаться неведомыми прежде ощущениями.

– Нн-е-е-ет... – выдыхаю, ныряя в окутывающий меня жар. Пытаюсь расслабиться, но не могу, замороженно наблюдая, как длинные сильные пальцы исследуют мою ногу. Откровенно люблюсь его руками, отчаянно надеюсь, что он не заметит моего восторженного взгляда.

– Думаю, что ничего серьезного, – неожиданно заключает Лавроненко, поднимая на меня глаза. – Пару дней покоя – и будете, как новенькая.

– А откуда... – я с трудом сдерживаю вздох разочарования, когда он все-таки убирает руку, – откуда вы знаете? Вы же не врач...

– Не врач, – на этот раз в его взгляде проскальзывает что-то, очень похожее на тепло. – Но знаю. Приходилось быть на практике... в походных условиях. Так что можете быть спокойны за свою ногу. Правда, тугая повязка не помешает. Есть у вас бинт?

Киваю, дотягиваясь до ящика комода и доставая хранящуюся там на всякий случай упаковку. Она лежит там уже больше года, и я была уверена, что еще столько же не понадобится, даже выбросить хотела. Но сейчас оказывается как нельзя кстати, продлевая блаженные минуты, когда мой всемогущий шеф действительно умело и со знанием дела бинтует мне ногу.

– Ну вот, готово. Постарайтесь не сильно ее нагружать. Завтра будет легче.

Мужчина поднимается, и я с ужасом осознаю, что сейчас он уйдет. И все закончится. Знаю, что исчерпала все возможные лимиты его внимания, но ничего не могу с собой поделаться. И шепчу, стараясь даже не думать о том, что могу услышать отказ:

– Алексей Андреевич... Может быть, я угощу вас чаем? Вы ведь так и не успели выпить у мамы... из-за меня.

Глава 5

Он смотрит на меня с таким видом, словно я не чай ему предложила, а рагу из лягушиных лапок, на которых у него аллергия.

Вздыхаю, опуская глаза. Этого следовало ожидать. Наверняка вспоминает сейчас утренний кофе и думает о том, что еще раз рисковать не стоит.

Мне снова делается стыдно и грустно. И нога болит. Но еще сильнее ноет в груди, потому что очень хорошо понимаю: сейчас все закончится. Мы даже дверь не закрыли, и она поскрипывает, а сквозь тоненькую щель из подъезда тянет холодом.

Ну и пусть, может, немного приду в себя, протрезвею от внезапно накатившей эйфории. Ишь, размечталась, что он чай со мной будет пить! Хватит и того, что уже случилось.

Разве я могла еще сегодня утром представить, что мужчина мечты будет носить меня на руках и сжимать в объятьях? И пусть это все не по-настоящему, но воспоминаний теперь хватит на очень-очень долгое время.

– Мария, а чай мы будем пить прямо здесь, в прихожей? – врывается в мои мысли насмешливый голос Лавроненко. – Судя по тому, что вы не торопитесь на кухню.

Я не верю своим ушам. И глазам тоже. Тому, что слышу и вижу. Он не только не уходит, но уже снял пиджак и успел разуться, пока я предавалась горестным

размышлениям.

– Вы остаетесь? Правда? – ляпаю то, что вертится на языке, и его брови взлетают вверх.

– Не понял. Вы пригласили меня для того, чтобы я отказался? Так мне уйти?

Ему совершенно точно смешно, я вижу, как прячется улыбка в уголках губ, а темные глаза впервые за сегодняшний день не смотрят на меня с осуждением.

– Нет! – выкрикиваю с нахлынувшей на меня радостью. Подскакиваю с пуфика, стараясь не сильно опираться на больную ногу и соображая, как добраться до кухни с наименьшими потерями. – Ни в коем случае!

А он все-таки смеется. Запрокидывает голову и заливается громким и веселым смехом. И настолько преображается в этот миг, расставаясь с привычной уже для меня строгостью, что я залипаю, окончательно теряя голову. И если бы не была влюблена по самые уши, то точно влюбилась бы теперь, глядя на него, такого открытого, доступного и близкого, что ли. Ставшего за одно мгновение намного ближе, чем даже когда держал меня на руках, прижимая к своей груди.

– Маш, – отсмеявшись, он смотрит на меня, а в глазах продолжают лучиться искорки веселья. – Как случилось, что ты свалилась на мою голову? Я такого количества эмоций сразу не переживал уже целую вечность. И боюсь представить, что будет в следующую минуту.

– Я не сваливалась, – шепотом отвечаю, не зная, как реагировать на его слова. Звучат они не очень, и мне совсем не хочется, чтобы шеф считал меня одной большой ходячей неприятностью. Но он, кажется, уже не сердится, и явно более расположен ко мне, чем раньше. А ради этого и не такие слова можно стерпеть. Ну, ведь и правда, я много всего успела натворить сегодня.

И тут до меня доходит еще одно. Лавроненко сказал «ты». И назвал меня Машей. Не строго и официально – Марией, а почти что ласково. И хотя я упустила момент, в который случилась эта невероятная трансформация, мое влюбленное сердце все равно умудряется воспарить до неведомых прежде высот.

– Чай тоже будет с содой? – пока вожусь с кипятком и заваркой, мужчина изучающе осматривается по сторонам. И вопрос задает без тени улыбки на лице. Если бы я не увидела, присмотревшись, затаившиеся в самой глубине глаз смешинки, снова бы испугалась. А так лишь смущаюсь, чувствуя, как становится горячо щекам. Мне до сих пор стыдно за тот инцидент.

– Извини, – неожиданно выдает Лавроненко. – Неудачная шутка. Я просто хотел, чтобы ты немного расслабилась. А то выглядишь, как на экзамене, к которому не очень готова.

– Я и чувствую себя так, – признаюсь, все еще не до конца веря, что это мне не снится. Вчера вечером я доказывала Капитолине Сергеевне, что ее сын ни за что не возьмет меня на работу. А сегодня мы собираемся вместе пить чай. В моей доме. Наедине! Правда, я успела наделать целую кучу ошибок, но шеф все равно почему-то не уволил меня.

Ответ приходит раньше, чем я успеваю обдумать вопрос. Алексей поднимается со стула и подходит ко мне, с высоты своего роста без труда снимая с верхней полки чашку, которую я никак не могу достать, балансируя на одной ноге. Мы храним там посуду для гостей, самую лучшую, и пользуемся ею крайне редко.

Чашка очень красивая, из белого дорогого фарфора, но при этом строгая и стильная. Мужская. Ее кто-то подарил отцу, но тот не стал пользоваться сам, оставив для таких вот особых случаев. Как сейчас.

Лавроненко ненадолго удерживает ее, разглядывая, прежде чем поставить на стол, а я смотрю на его руки. Длинные, гибкие пальцы, с аккуратными ухоженными ногтями. Широкие ладони с переплетением вен. Кожа шероховатая и немного жесткая – я успела это почувствовать, когда он бинтовал мне ногу. Но это руки настоящего мужчины. В каждом их движении чувствуется сила, уверенность, как и во всем, что он делает. Под рукава рубашки убегают шелковистые темные волоски, и мне очень хочется дотронуться до них. Так сильно, что кончики собственных пальцев начинают зудеть, и я прячу руки за спину, чтобы случайно не поддаться искушению.

А он разворачивается ко мне и произносит с легкой улыбкой:

– Маш, тебе надо быть смелее. Мы все допускаем ошибки. В этом нет ничего страшного. Надо уметь их признавать – и двигаться дальше.

– Я испугалась, что вы меня уволите, – выдаю, собираясь добавить, что на самом деле это заслужила, но мужчина прерывает меня.

– Я стараюсь не делать поспешных выводов. И не принимать решения под воздействием эмоций. В нашем деле трезвая голова – лучший помощник.

Разве можно быть таким идеальным? Он еще и рассуждает так правильно и мудро... И готов дать мне еще один шанс?

– Скучно нам с тобой точно не будет, – снова улыбается шеф. – А положительные эмоции, как известно, продлевают жизнь.

Хотя я прекрасно понимаю, что это его «нам с тобой» означает только лишь совместную работу, ничего не могу поделать с кипящей внутри радостью. Лишь на мгновенье закрываю глаза, чтобы она не выплеснулась наружу. И надеюсь, что мне повезет, и Лавроненко не заметит телячьего восторга, с которым я на него смотрю.

Отворачиваюсь к кухонному столу, чтобы добавить кипятка в заварочный чайник, и скорее угадываю, чем слышу шаги мужчины за спиной. Он двигается незаметно, так, словно хищник, подкрадывающийся к добыче. А эта самая добыча ждет возможности быть пойманной.

Подаюсь назад, прижимаясь спиной к твердому мужскому телу, и замираю в ожидании реакции. Он наверняка сейчас оттолкнет меня, ставя на место строгим тоном. Объяснит, что подобное недопустимо. Что я должна запрягать свои чувства подальше и никогда больше их не показывать.

Но вместо этого ощущаю, как теплое дыхание касается волос, а сильные, гибкие пальцы осторожно приподнимают их, обнажая шею. И теперь уже его вздохи ласкают кожу, заставляя мое сердце биться в два раза быстрее. А когда чувствую первое прикосновение губ, оно и вовсе норовит вырваться из груди. Грохочет так, что это невозможно не услышать. Алексей смыкает руки на моем

животе и скользит ладонями вверх, как раз туда, где так отчетливо слышится бешеный стук. И выше, накрывая грудь. Сдавливает, вжимая меня в свое тело. Прикусывает мочку уха и тихонько шепчет, оживляя целую толпу мурашек.

– Я мечтал об этом с первой минуты, как увидел тебя. Ни о чем другой думать не мог. Хотел попробовать, какая ты на вкус.

Он именно это и делает: дотрагивается губами до пульсирующей венки на шее. Проводит языком, и я невольно сжимаю бедра, пытаюсь утишить нарастающее там давление. Запрокидываю голову и близко-близко над собой вижу его глаза. В них отражается мой силуэт, и одновременно они полны какой-то неведомой силы, страсти. Там полыхает огонь, от которого начинает ныть грудь и что-то внизу живота скручивается тягучей болью.

Тянусь к нему приоткрытыми, дрожащими губами и, ощущая долгожданный поцелуй, окончательно таю. Растекаюсь, как воск, от жара, спасения от которого нет.

Лавроненко разворачивает меня к себе, лишь на мгновение оторвавшись от моего рта, приподнимает, усаживая на стол, и двигает колени в стороны, вклиниваясь между разведенных бедер. Снова целует, врываясь языком и словно вылизывая изнутри. Трогает, толкается, поочередно засасывает губы, терзая их почти до болезненности.

Не успеваю заметить, как умелые пальцы расстегивают и отбрасывают в сторону блузку и, сдвинув вниз чашечки бюстгалтера, накрывают полушария груди. Но мне мало одних лишь прикосновений, и я хнычу, выгибая спину, так что затвердевшие соски трутся о его ладони.

Еще ни один мужчина не дотрагивался до меня так откровенно. Не видел настолько раздетой. Я никому не позволяла ничего подобного... А с ним не хочу останавливаться. Обнимаю за плечи и тяну еще ближе на себя. Он такой большой... там. И твердый. Это чувствуется даже через слои ткани. Мои трусики впиваются в набухшую плоть, причиняя все больший дискомфорт. Между ног горячо и влажно, и ужасно хочется избавиться от мешающей одежды. Хочется, чтобы он потрогал меня. Увидел, как я реагирую на его близость. Помог справиться с этой мучительной тяжестью, скручивающей тело. Я знаю, он сможет. Только он, единственный.

– Пожалуйста... – всхлипываю, набирая воздух перед очередным поцелуем.

Алексей тоже на грани. Его грудь вздымается, как после бега, а на висках проступили бисеринки пота. А бугор на штанах стал еще больше. Я боюсь представить, каким это окажется, – и хочу до безумия.

Мужчина надавливает на мои плечи, заставляя улечься спиной на стол. Одним резким движением стягивает брюки и трусики. Я ахаю, мгновенно заливаясь краской. Вся, целиком, до кончиков пальцев на ногах. И не знала, что такое бывает. Мне дико неловко лежать перед ним полностью обнаженной, но под чернеющим взглядом складочки набухают еще сильнее. Сладкая ноющая боль оказывается сильнее смущения, особенно когда Алексей снова тянет мои колени в стороны и выдыхает, припадая губами к внутренней стороне бедра:

– Не закрывайся от меня... Такая красивая...

Выгибаюсь, с трудом сдерживая рвущиеся стоны. Его язык двигается выше, вычерчивая на коже какой-то немыслимый узор, а я бесстыдно ерзаю на столе, с трудом сдерживаясь, чтобы не запустить пальцы в шелковистые, повлажневшие волосы и не притянуть мужчину к себе. Еще ближе. Хочу этих запретных ласк. Хочу, чтобы он наполнил меня. Целиком.

– Не могу больше... – он резко распрямляется, и я слышу звук расстегиваемой молнии на брюках. Тянет меня за щиколотки, придвигая к краю стола.

Набираю воздуха в грудь и пытаюсь расслабиться. А что, если будет так больно, что не смогу сдержаться? Лавроненко ведь даже не знает, что я никогда... Может быть, надо сказать? А если он передумает?

Чувствую, как что-то твердое, будто каменное, упирается мне между ног, и пылающая волна жара окатывает изнутри. И кажется, о чем-то предупреждать уже слишком поздно...

А потом он рычит, толкаясь бедрами вперед, и...

Открываю глаза и вижу, как на потолке над моей головой пляшут тени от огней проносящихся за окном машин. Одеяло скинуто, а простыня подо мной сбилась:

я так сильно вертелась во сне, что перевернула всю постель. И мои трусики действительно мокрые. Там все набухло и ноет, вот только рядом и в помине нет того, кто может облегчить это состояние.

Глава 6

Порог офиса я переступаю, едва живая от страха и волнения. Как теперь смотреть Лавроненко в глаза? Я же не смогу не думать о своем сне! Не смогу не вспоминать всех тех безумств, которые мужчина вытворял со мной. Или умру от стыда, или обязательно чем-то выдам кипящие внутри чувства. И тогда тоже умру от стыда.

Как вообще люди общаются, проводя вместе ночь? После того, что позволяли себе? Я и прежде не раз об этом задумывалась, представляя, какой выдержкой и силой духа надо обладать, чтобы не прятать глаза, зная, что настолько обнажился перед другим человеком. И в прямом, и в переносном смысле. Ведь близость физическая невозможна без того, чтобы раскрыться еще и внутренне. А это очень, очень трудно.

На мое счастье, у шефа какая-то жутко важная встреча с самого утра. Я еще только вошла в приемную, а он уже заседает с кем-то. И кофе не просит, то ли по-прежнему не доверяя мне, то ли просто занят слишком сильно. Я, разумеется, на настаиваю. Будь моя воля, вообще бы не появлялась у него на глазах сегодня. Сидя за столом, терзаю собственные пальцы, кручу и сжимаю их с такой силой, что уже кожа покраснела. Хорошо хоть ногти не грызу от волнения, вот это был бы номер!

И колени ватные, благо, под длинной юбкой не видно, как они трясутся. Остается только радоваться, что шефу помощь секретарши сейчас не нужна, иначе я бы точно что-то уронила или испортила.

– Ма-а-аш! – в мои мятущиеся мысли врывается чей-то громкий шепот, и я, подняв глаза, вижу девицу из соседнего отдела. Вчера меня познакомили со всеми, но я почти никого не запомнила. Хотя на нее обратила внимание. Роскошная копна светлых волос, ноги от ушей и грудь не меньше четвертого размера. Идеальный макияж: ярко, но не вульгарно. Я так краситься не умею. Попыталась

много раз, даже собрала дома целую коллекцию журналов с советами визажиста. Но результат никогда не был таким эффективным.

Блондинка проходит в приемную и кивает на дверь Лавроненко.

– У себя?

– Да, только он занят, – мне почему-то не нравится ее желание увидеть шефа. Словно чувствую, что явилась она не по работе. И отчаянно ревную, понимая, насколько проигрываю рядом с такой шикарной дамой.

– Ну, я подожду, – расплывается она в улыбке. – Такого мужчину можно ждать сколько угодно, правда?

И что, интересно, собирается услышать в ответ? Я и не подумаю с ней соглашаться, хотя считаю так же. Но об этом не обязательно кому-то знать.

– Ты уже слышала, что он расстался со своей... с Потаповой? – на красивом лице столько радости, будто она только что выиграла в лотерею. И хотя я понятия не имею, кто такая Потапова и действительно ли Лавроненко с ней расстался, думать о том, что другие женщины уже строят коварные планы, как заполучить его в свои сети, мне неприятно. А то, что эта белобрысая красотка не сможет предложить ему ничего хорошего, не вызывает сомнений. Иначе не стала бы вести себя так вызывающе. Она похожа на хищницу, собравшуюся на охоту. Вон, и одета соответственно. Вернее, раздета.

Обтягивающая бедра юбка такая короткая, что в ней и сесть-то спокойно нельзя. Мой отец в таких случаях говорит, что это не юбка вовсе, а шарфик сполз.

И грудь, того и гляди, выскочит из декольте. И из бюстгалтера заодно тоже. Хотя, наверно, этот момент охотница решила оставить на потом. Чтобы было чем впечатлить шефа.

Внезапно понимаю, что терзающее меня с утра волнение сменяется злостью. Я смотрю, как блондинка теребит верхнюю пуговичку на блузке, делая вырез еще больше и почти демонстрируя кружево нижнего белья, и жалею, что на столе принтер, а не чернильница с перьями, как в старину. Тогда было бы что плеснуть

в эту улыбающуюся физиономию. И хищница бы умчалась чистить свою шкурку, а я перестала бы беспокоиться, что она рвется в кабинет Лавроненко.

– Маш, ты же мне поможешь? – наклоняется девица к моему столу и заговорщицки улыбается. А я приоткрываю рот от такой наглости и думаю, вцепиться в ее гриву прямо сейчас или подождать немного и узнать, чего именно она ждет от меня.

Все-таки удастся сдержаться. Внутри все рвется и клокочет от возмущения, но я понимаю, что сейчас не время поддаваться этим чувствам. Иначе так и не узнаю, что она задумала.

– Так поможешь, Маш-ш-а? – противно шипит мое имя, прямо как змея, и демонстрирует белозубую улыбку. Хороша, аж тошно. Хоть бы какой-то недостаток в ней найти! Но она внешне идеальна, как с картинки.

И наверно, любому мужчине с нормально развитыми инстинктами сложно устоять перед такой красоткой. Как бы ни было неприятно думать об этом, скорее всего, и Лавроненко не сможет не повестись. Вон, она разве что из одежды не выпрыгивает!

– Чем именно? – я очень стараюсь не шипеть в ответ. Быть любезной или хотя бы просто спокойной крайне трудно, но это единственный мой шанс что-то выяснить.

– Ну пускай никого к нему, ладно? И не соединяй ни с кем, пока я буду в кабинете. Ты же сможешь что-нибудь придумать, правда?

Она серьезно? Собирается прямо сейчас, в рабочее время, соблазнять моего...

Стоп, Маша! Я сжимаю кулаки под столом так, что ногти впиваются в ладони. Немедленно успокойся! Во-первых, он совсем не твой, а во-вторых, в подобных ситуациях надо действовать хитростью, а не силой. Да и не драться же с ней, в конце концов!

Остается надеяться, что совещание шефа продлится еще долго, и этой змеюке просто надоест ждать. Вот только мне совершенно не везет. Дверь в кабинет

раскрывается, и я слышу, как Лавроненко прощается с посетителями. А на лице блондинки расцветает торжествующая ухмылка.

– Сама судьба на моей стороне! – в ответ на это заявление снова хочется вцепиться в ее довольную физиономию. Почему я ничуть на нее не похожа? Ни внешне, ни тем более внутренне. Ни за что бы не решилась вот так, открыто, отправиться к мужчине, предлагая себя. То, что девица собирается делать именно это, нет никаких сомнений.

Она скрывается в кабинете, перед самым входом все-таки расстегивая еще одну пуговицу на блузке. А я сглатываю горький ком в горле, стараясь не думать о том, что сейчас будет происходить там. Только не получается. Мой сумасшедший горячий сон позволяет отчетливо представить далеко не рабочую обстановку. Но рядом с Лавроненко сейчас не я, а совсем другая женщина. И каждая новая минута, тянущаяся мучительно долго, только добавляет переживаний. И вскоре я уже не могу сидеть, вышагиваю туда-сюда по приемной, придумывая одну за другой причины, чтобы вломиться к шефу и помешать их рандеву. Но ни одна из причин не кажется достаточно серьезной, чтобы решиться на это. Да и если я влезу, скорее всего, останусь без работы. И вообще лишусь возможности видеть его. Поэтому так ничего и не предпринимаю, остаюсь в прихожей, изнемогая от обиды и ревности.

А потом дверь неожиданно распахивается. Слишком резко. Наверно, после любовного свидания должны выходить иначе. Да и как-то слишком быстро они... закончили. С замершим сердцем смотрю на вылетевшую из кабинета блондинку. Мне бы только не разреветься при ней... Но слезы высыхают, когда понимаю, что она выглядит... Я не нахожу подходящего определения, но совершенно точно знаю, что удовлетворенная шикарным мужчиной женщина должна быть какой-то другой. Не дышать, как загнанная лошадь, и не брызгать слюной от возмущения.

И пока соображаю, что же все это может означать, девица подлетает ко мне, тяжело дыша. Оглядывается на дверь и проговаривает, тихо, будто опасаясь быть услышанной.

– Это просто ужас, Маш! Что я узнала! Самый настоящий кошмар!

Я тут же пугаюсь, и бурное воображение подкидывает картинки, одну страшнее другой. Алексей болен? Или предыдущая встреча была вовсе не клиентами, а с конкурентами? И эти люди собираются его разорить? И Лавроненко настолько раздавлен новостями, что даже не отреагировал на преподнесенные ему женские прелести?

Но блондинка выдает совсем другое, продолжая причитать:

- Поверить не могу, такой мужчина - и гей!

Мне это слышалось. Точно, слышалось, потому что произнести подобное вслух она не может. Особенно про НЕГО. Это какой-то бред. Я ошарашенно плююсь на девицу и внезапно вспоминаю ее имя. Снежана. Ну, конечно, разве могут ее звать как-то обычно? Еще и фамилия наверняка такая, что не выговоришь с первой попытки. Все для того, чтобы произвести впечатление на мужчину. Не то, что Маша Серая.

Но снова расстроиться не успеваю: в виски стучит осознание, что при всех ее достоинствах удача почему-то повернулась спиной. Лавроненко не пал жертвой этой красоты? Но не потому же, в самом деле, что он...

Шевелю губами, беззвучно повторяя услышанное от блондинки. Нет, невозможно. Не хочу даже думать о таком.

- Это он сказал? Сам? - выдавливаю уже вслух, но все равно звучит еле слышно, потому что язык делается тяжелым и неповоротливым.

- Ну, я же не дура! - с пафосом восклицает девица. - Мне еще никто никогда не отказывал! Если, конечно, у него все в порядке с головой... и со всем остальным.

Она вздыхает.

- Знаешь, а я ведь уже слышала об этом. Только не верила. И потом, вроде бы жила у него эта, Потапова. А может, это только для отвода глаз было. Потому что ну не видела я между ними никаких искр. Да, тусили вместе, уезжали-приезжали, но он даже не зажал ее ни разу! Ну, вот скажи, будь он нормальным мужиком, разве не захотел бы расслабиться на работе? Особенно, когда

предоставляется такая возможность?

Он приосанивается, поправляя натянувшуюся на груди блузку, видимо, подразумевая под «возможностью», от которой нельзя отказаться, саму себя. А я не знаю, что ответить. И вроде бы верно все, и должен мужчина реагировать на красивую женщину, но мне жутко не хочется соглашаться с этими аксиомами. А хочется найти какое-то иное объяснение случившемуся.

– Как же жаль! – причитает Снежана, прежде чем покинуть приемную. Заламывает длинные, изящные пальцы с ярким маникюром. А когда уходит, наконец, у меня появляется острое, почти неконтролируемое желание отнести шефу кофе. Да, он не просил, но можно же проявить инициативу? Уже давно не утро, поэтому взбодриться не помешает. Заодно и посмотрю.

На что именно я собираюсь смотреть, решить не могу. Понимаю прекрасно, что вряд ли в кабинете остались какие-то следы их разговора, да и со мной он точно не станет это обсуждать. Но все равно надо его увидеть. Очень-очень-очень! Получить хоть какое-нибудь подтверждение тому, что змея Снежана ошибается.

Я проверяю все до мелочей. Количество кофе, воду, идеальную чистоту чашки. И сахар. Со всех сторон разглядываю коробку, трясусь и нюхаю. И, разумеется, пробую на вкус, прежде чем добавить в напиток. Чтобы на этот раз все было наверняка. А потом тихонечко скребусь в дверь.

Мне страшно, потому что я, возможно, узнала жуткую тайну своего начальника. И наверно, не смогу это пережить, если все окажется правдой. А еще слишком хорошо помню собственный сон. И все свои ощущения. Потому мне вдвойне неловко, и хорошо, если Лавроненко этого не заметит.

– Алексей Андреевич, я сделала вам кофе! – выпаливаю, оставаясь у дверей, на случай если он решит меня прогнать. Все-таки являться без приглашения – не лучший способ зарекомендовать себя.

Он что-то сосредоточенно пишет, обложивших целой кучей бумаг. Выглядит напряженным... и злым. Даже на расстоянии хорошо заметна углубившаяся морщинка между бровей. С ней он кажется старше, но почему-то еще более красивым. Более солидным и мужественным.

– Знаю, что не просили, но подумала: вдруг вам захочется... – он поднимает на меня глаза, и это так пугает, что я зажмуриваюсь прежде, чем встречаю его взгляд. Что если сейчас начнет ругаться?

– Мария, я не сомневаюсь, что с координацией у вас все в порядке. Но, думаю, что донести кофе с закрытыми глазами все же не получится.

Снова на «вы» – машинально отмечаю я, но одновременно чувствую, как поднимается в груди волна тепла. Он не возмущается и не кричит, и вроде бы даже не выгоняет меня. Открываю глаза и наталкиваюсь на задумчивую улыбку.

– Давайте свой кофе, – кивает Лавроненко на стол. – Вернее, мой. И присядьте, хочу кое-что у вас уточнить.

Глава 7

Я верчу головой, выбирая место, куда могла бы сесть. В дальнем углу кабинета стоит кресло, большое и просторное, с высокой спинкой и резными подлокотниками. Ни оно, ни кожаный диванчик у стены не подходят для того, чтобы, сидя на них, беседовать с начальником. А свободный стул всего один. И он находится прямо у стола Лавроненко. Если я сяду туда, между нами не будет и полуметра. А если начну отодвигать подальше, это может выглядеть очень странно.

Я теряюсь, не зная, какое принять решение. Теряю от волнения пуговичку на блузке, некстати вспоминая, что то же самое делала Снежана. Только она пыталась расстегнуть верхнюю и продемонстрировать шефу свои прелести, а я мучаю ту, что находится в самом низу. Просто потому, что не знаю, куда деть руки.

– Что, запала хватило только ворваться в мой кабинет с чашкой кофе? – неожиданно усмехается мужчина, внимательно рассматривая меня. – Садитесь же, – он кивает на стул, – я не кусаюсь.

Тут же заливаюсь краской, понимая, что мужчина не мог не заметить, как я испуганно шарю глазами по кабинету. Усаживаюсь на краешек стула, заставляя себя посмотреть на Лавроненко. Это моя работа! Слушать шефа, выполнять его приказы. И да, находиться в такой вот близости, если это необходимо. Он же не знает, что это слишком сильно напоминает начало моего сна, когда мы были совсем рядом друг ко другу.

– Если хотите задержаться здесь, нужно быть смелее, – улыбается шеф, а я приоткрываю рот от изумления. И лишь потом понимаю, что говорит он о работе. Ничего другого и в помине быть не может, потому что мужчина наверняка не подозревает, какие мысли и желания бурлят в моей голове.

– Вы похожи на мышонка, готового забиться в угол при виде огромного страшного кота. Это я вас так пугаю? Или просто еще не до конца прошел процесс адаптации на новом рабочем месте?

Мышонок? Ну, конечно. Даже не удивительно, что ему пришла эта аналогия. Я отчаянно моргаю, только бы скрыть слишком близко подступившие слезы. Меня дразнили именно так. Дурацкая фамилия в комплекте с именем на почти все школьные годы превратили меня в серую мышку. И если от одноклассников я привыкла не ждать ничего другого, то сейчас чувствовала, что эти слова царапают изнутри. В груди, где мое сердце отбивает сумасшедший ритм.

Если я скажу, что дело в работе, он поверит? А ведь мне надо его в этом убедить. Не хватало еще, как Снежана, демонстрировать свою заинтересованность!

– Начальник должен немного пугать, это нормально! – заявляю, стараясь, чтобы мой голос звучал хотя бы немного убедительно. – Здоровая иерархия и страх еще никому не вредили.

Его брови взлетают вверх, и он неожиданно смеется.

– А знаете, мне нравится. Пожалуй, я попрошу внести этот пункт в устав компании.

Такая реакция для меня неожиданна, но видеть ее удивительно приятно. И я выдыхаю, чувствуя, что напряжение, хоть и не ушло совсем, но немного

отпустило.

– Так о чем вы хотели поговорить? Будет какое-то задание? – собираюсь с духом и спрашиваю сама.

– Можно и так сказать, – кивает Лавроненко. – Мария, я уверен, что вы не любите сплетничать, но сделайте для меня исключение. Расскажите, о чем шептались с Денисовой.

– С кем, простите?

– Снежана Денисова. Женщина, которая заходила в кабинет перед вами, – спокойно поясняет шеф, и я медленно впадаю в ступор. Он серьезно сейчас? И о чем же я должна ему рассказать? О том, как эта змеюка делилась со мной планами по соблазнению? Или о том, как поведала о его нетрадиционной ориентации? И откуда ему вообще известно, что мы с ней что-то обсуждали?

Если говорить о моем опыте взаимоотношений с начальством, то у меня его... нет никакого. А с мужчинами – и того меньше. И я понятия не имею, как в таких случаях надо себя вести. Вполне возможно, что это – мой шанс выслужиться. Наверно, любой руководитель хочет знать, что говорят за его спиной. И иметь надежных людей, которые всегда передадут нужную информацию.

Почему только, чем больше я думаю об этом, тем отчетливее звучит в голове совсем другое определение. Стукачка. Неважно, какую цель преследует Лавроненко. Мне и мышкой-то быть не нравится, а превращаться в крысу не хочется тем более. И плевать, что Снежана Змеюкова заслужила, чтобы шеф все узнал. Я не стану той, кто ему об этом поведает.

– Да мы не шептались, – пожимаю я плечами. Стараюсь смотреть спокойно и ровно, чтобы глаза не бегали, и не дышать, как паровоз. Это же наверняка выдает волнение, а Лавроненко не должен ни о чем догадаться! – Так, перекинулись парой слов.

– О чем же? – он настаивает, сверля меня взглядом. Слишком пристально. И кажется, ему не составит никакого труда залезть в мои мысли и самостоятельно узнать все то, что я пытаюсь скрыть. Проницательные, умные глаза. Так не хочется ему врать, но сказать правду я не могу. Не хочу.

– Я ведь пока только осваиваюсь на новом месте.

– И? – мужчина чуть склоняет голову, продолжая рассматривать меня, а я начинаю сочинять на ходу.

– В этой ситуации не будет лишним перенять опыт старожилов, так сказать.

Лавроненко недоуменно хмурится.

– И каким же опытом делилась с вами Денисова?

– О взаимосвязи вложенных в работу усилий и ожидаемых результатов.

Моя улыбка совершенно точно не выглядит искренней, потому что я прямо ощущаю, как сводит челюсти от нелепой маски, которую натянула на лицо. Ну и пусть! Зато не перестану уважать сама себя.

Брови моего грозного начальника сдвигаются сильнее, лицо становится строже. Он не может не понять, что философская чушь, которую я несу, не имеет ничего общего с реальностью. Но почему-то не спорит.

– Интересный разговор, – продолжает задумчиво, а я тут же серьезно киваю.

– Очень!

Если он умеет читать мысли, мне, скорее всего, конец. Потому что думаю-то я совсем о другом: как не надо быть дурой, навязываясь начальнику посреди рабочего дня.

И хотя совсем не похоже, что шеф мне верит, наш разговор на этом подходит к концу.

– Я понял вас, Мария, – хмыкает Лавроненко, поднимаясь с места, и начинает собирать бумаги на столе. – Возвращайтесь к работе.

Уже у двери меня останавливает его голос.

– Как ваша нога, кстати? Совсем забыл спросить.

Я резко разворачиваюсь, не веря собственным ушам. Не забыл? Даже после всего, что случилось, помнит о неуклюжей девчонке, которую пришлось тащить в квартиру на руках? Теперь натягивать улыбку уже не надо, потому что она сама растекается по лицу от удовольствия. Мне так приятно, словно... словно... Подходящего определения нет, и я просто моргаю, восторженно глядя на шефа. А потом выдавливаю, понимая, что и дальше молчать, по крайней мере, неприлично.

– Почти не болит, спасибо. Ваша повязка помогла.

Что-то неуловимо меняется в его взгляде, и он быстро отводит глаза, кивая.

– Я рад. Идите, Мария. Мне надо уехать, сегодня вряд ли вернусь в офис. И, – мужчина делает паузу, слегка улыбаясь, видя, как я замираю на пороге, – спасибо за кофе.

– Так эта змея на самом деле красивая? – тормозит меня Лариса, когда я опять погружаюсь в воспоминания о событиях прошедшего дня. – Или просто хорошо упакована?

Мы снова сидим в нашем кафе. Я пожимаю плечами.

– Одно без другого невозможно. Одета она, конечно, шикарно, но и выглядит тоже. Лицо, волосы, фигура – все при ней.

– А Маша у нас кормит свои комплексы? Так?

Ларка смотрит на меня строго и почти возмущенно, а я вздыхаю. Дело не в комплексах, это просто реальный взгляд на вещи. Я не могу не понимать, что проигрываю Денисовой во всем. Но когда сообщаю об этом подруге, та хмурится еще сильнее. И произносит с видом умудренной опытом женщины:

- Только твой шеф не клюнул на все ее выигрышные прелести. Не знаешь, почему?

- Почему? - шепотом переспрашиваю я. Очень хочется услышать что-то вдохновляющее. Лариса это умеет, тем более что ей хорошо известно про всех моих тараканов.

- Ну, ты же не поверила в тот бред. Ей, конечно, удобно так считать, чтобы не упасть в собственных глазах. Но его-то она не впечатлила. А вот ты... - Кравцова задумчиво окидывает меня взглядом.

- Что я?

- У тебя шансов точно больше, раз после всех твоих закидонов он до сих пор тебя не уволил. Только надо подать себя правильно.

- Правильно - это как?

- Что, как? - передразнивает меня Лариса. - Машка, ну чего ты как маленькая?! Я имею в виду, что если нужен тебе твой шеф, надо действовать. Не так топорно, как эта змея Снежанка, а хитрее.

- Я не умею...

Правда, не умею. И не стану навязываться мужчине, если не нужна ему.

Подруга осуждающе качает головой, как всегда, догадываясь, о чем я думаю.

- Так учись, если хочешь играть в серьезные игры со взрослым мальчиком. А то выглядишь, как школьница. Ну, или первокурсница, в лучшем случае. Одного этого можно испугаться.

- И что ты предлагаешь? Разодеться так, как Денисова? То есть раздеться? Юбка, чуть прикрывающая попу, блузка с вырезом до пупка, так, чтобы грудь выскакивала? Да?

– Машка, я тебя сейчас побью! – сопит от злости Лара. – Что за крайности? Просто свои достоинства надо умело подчеркнуть. И надеть что-то вместо этого балахона до пят, который ты называешь юбкой. Она красивая, конечно, и идет тебе, но это лучше носить на экскурсию по старым монастырям. А в современном офисе в приемной шикарного мужчины ты должна выглядеть ему под стать. И не вздумай сказать, что не умеешь выбирать одежду, я прекрасно знаю, что со вкусом у тебя все в порядке. А вот со смелостью проблемы. Но это дело поправимое.

Кажется, я не дышу во время ее впечатляющей тирады. Кошусь под стол на свою юбку и вздыхаю. В общем-то Ларка права, конечно. Я так оделась, чтобы спрятать собственное смущение. И чтобы не выделяться. Но, может, как раз и надо выделиться?

– Значит, так, – заключает подруга. – Ты сейчас допиваешь свой какао и отправляешься в торговый центр. Купишь минимум два новых комплекта одежды. И не ври, что денег нет, я знаю, что ты откладывала на что-то там. Вот пусть это что-то подождет, а ты позаботишься о своем новом дресс-коде.

– Прямо сейчас? – ужасаюсь я. – Может, на выходных?

– Сейчас! Отложишь – потом вообще не соберешься, как обычно. Будешь и дальше носить кофе, как серая мышка. Не вздумай обижаться, – сдвигает она брови, видя мою реакцию. – Никто не заставляет тебя соответствовать своей фамилии.

Я с тоской смотрю, как оседают на дне чашки остатки какао. Теперь не отвертеться, раз затеяла этот разговор. И сама ведь хочу, чтобы что-то поменялось. Чтобы такие стервы, как Снежана, не ходили соблазнять моего Лавроненко. И чтобы он вообще ни про кого, кроме меня, думать не мог.

– Я с тобой пойти не могу, – добавляет Лариса. – Сестру с музыкалки забрать надо. И ужин приготовить, мама сегодня допоздна работает. Но я жду подробный фотоотчет. Поняла?

Все-таки шопинг – гениальное изобретение человечества. находка для женщины, особенно имеющей проблемы с настроением. Помогает отлично

отвлечься и забыть о проблемах.

Я торчу в торговом центре несколько часов, перемеряв такое количество одежды, что уже и пересчитать не смогла бы. И остаюсь довольна. Вместо обещанных подруге двух комплектов покупаю три, чтобы не тратить потом время на новые походы.

Стильный брючный костюм, платье, достаточно строгое, но при этом сидящее на мне идеально и даже зрительно увеличивающее грудь. Юбка чуть выше колена, но вполне в пределах допустимого. Она делает меня стройнее и выше, а вместе с новой блузкой из какой-то необыкновенной матовой ткани, еще и должна дразнить воображение. Во всяком случае, я очень на это надеюсь.

Ларка, получив мои фотографии, вместо ответа присылает аплодирующий смайлик и несколько горящих огоньков. И, несмотря на свое смущение, я рада. Мне нравятся эти вещи и нравится, как я в них выгляжу. Такая одежда точно добавит уверенности. И всякие там Денисовы не будут смотреть в мою сторону со снисхождением. А Он...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/anna-yafor/lyubimaya-seraya-myshka>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)